

Герман Романов
Царский блицкриг. Боже, «попаданца» храни!
Серия ««Попаданец» на троне», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5020382
Романов Г. И. Царский блицкриг. Боже, «попаданца» храни!: Яуза-пресс; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60396-1

Аннотация

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Попаданец» на троне» и «Самодержавный «попаданец»! Кульминация царствования нашего современника, заброшенного в тело императора Петра III. Подавив гвардейский мятеж и удержавшись у власти, модернизировав Россию и превратив ее в передовое государство Европы, он готов исполнить вековую мечту русского народа – отбить у неверных Константинополь и вновь водрузить на Святую Софию Православный Крест.

По плану «попаданца», войну должно выиграть всего за месяц – это будет настоящий ЦАРСКИЙ БЛИЦКРИГ! Перевооруженную Ломоносовым и Кулибиным русскую армию на Царьград ведет фельдмаршал Суворов. Десант на Босфор возглавит адмирал Ушаков. Первые броненосцы и винтовые фрегаты под Андреевским флагом разгромят в бухте Золотой Рог парусный турецкий флот, а русские батареи под командованием Наполеона, поступившего на царскую службу под именем генерала Бонапартова, расстреляют на входе в Дарданеллы спешащую на помощь османам эскадру Нельсона...

Боже, «попаданца» храни! «Победой прославлено имя твое, / Твой щит на вратах Цареграда!»

Содержание

Пролог	4
День первый	9
Черное море	9
Адрианополь	11
Петербург	12
Остров Шумагина	14
Черное море	15
Адрианополь	17
Петербург	18
Остров Шумагина	19
Черное море	21
Адрианополь	23
Петербург	25
Остров Шумагина	26
Черное море	27
Адрианополь	29
Петербург	31
Остров Шумагина	33
Черное море	34
Адрианополь	36
Петербург	38
Остров Шумагина	40
День второй	42
Босфор	42
Адрианополь	43
Стокгольм	45
Дарданеллы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Герман Романов Царский блицкриг. Боже, «попаданца» храни!

Пролог
Бургас
17 июня 1797 года

– Государь-батюшка! Время терять нельзя. Пора настала!

Маленький худощавый фельдмаршал, о чем свидетельствовали густые эполеты, в чашке которых отливали золотом перекрещенные жезлы, задорно тряхнул седым хохолком.

– Неугомонный ты, Александр Васильевич! Сколько лет тебя знаю, а все торопишься. Не навоевался еще?

– Так Царьград впереди, батюшка. Промешкаю, а флотские ухари у меня его и вырвут. Или Бонапарт, ушлый больно! Нет, государь, пора!

– Пора так пора. Отдавай приказы, я теперь тебе больше не начальство, фельдмаршал. – Император притворно вздохнул, пожав плечами, и искоса глянул на покрасневшее от возбуждения лицо Суворова.

Старик его поражал вот уже тридцать пять лет со времени первого знакомства. Действительно – полководца такого калибра русская армия никогда не имела: ни до этого дня, ни после. И в советской тоже не было, ибо главная заповедь наводящего на турок суеверный ужас «Топал-паши» такова – войной не числом, а умением!

– Разреши идти, ваше императорское величество?!

– А что так по ранжиру спрашиваешь, Александр Васильевич?

– А чтоб ты передумать не успел, батюшка, – Суворов лукаво улыбнулся в ответ.

Петр только пожал плечами – хитер фельдмаршал, палец в рот не клади. Авангард под командованием князя Багратиона уже сутки на марше, главные силы с утра на юг пошли – Суворов хоть в городе пока здесь с ним, но свою армию всячески поторапливает, тем паче главные силы османов разгромлены, и султан собирает разбежавшиеся остатки у Константинополя.

И спешка объяснима – флот адмирала Ушакова из Севастополя вышел, сегодня-завтра будет здесь, в Болгарии, что на верность российскому императору уже присягнула.

Отсюда рывок будет сделан на Босфор, с высадкой десанта гвардии и морской пехоты в Проливах. Тем более на Галлипольском полуострове бригада генерала Бонапарта и эскадра контр-адмирала Сенявина турок наголову разгромила и оттуда на столицу тоже идти начинает.

Этому лихому корсиканцу и молодому моряку тоже лавры освободителей Царьграда покоя не дают, куда уж там спать. Желающих много, только главный приз один – вот старый фельдмаршал и спешит всячески, да своих и без того ретивых генералов поторапливает, хотя те и так вперед борзо рвутся.

– Не передумаю, но и ты... Смотри за моим младшим сыном, горяч он больно. Тебе одному доверяю...

– Не сомневайся, батюшка, присмотрю. А ты себя береги, не верю я корабликам этим.

– Поберегу, – отозвался император и тоже поднялся с раскладного походного стульчика, подошел к фельдмаршалу, посмотрел тому прямо в глаза – они были почти одного роста, ну, может, полководец на ноготок ниже.

– Ну, с Богом, Александр Васильевич. – Они раскрыли друг другу объятия, сжав руки на спинах. Трижды, по русскому обычаю, расцеловались.

И все – больше слов было не нужно, и фельдмаршал своей знаменитой походкой, чуть прихрамывая, стремительно вышел из комнаты.

Именно эта еле видимая хромота и стала для турок главной приметой, и со страхом нарекли они Суворова «Хромым пашой».

– Бог ты мой, а ведь тридцать пять лет прошло, – прошептал император, медленно пройдясь по шатру. Остановился, подумал немного и усмехнулся, добавив шепотом: – Без двух недель. Кто бы знал...

Петр Федорович усмехнулся – все эти долгие годы он не только сидел на престоле самой большой и процветающей империи мира, но и был монархом. Вернее, стал им, хотя поначалу ему казалось, что он играет в студенческом спектакле какую-то чересчур затянувшуюся роль.

– Сходил за водочкой, – усмехнулся император, вспомнив, как в далеком отсюда 1992 году он, тогда молодой студент исторического факультета, отправился в рождественский вечер отоварить карточки, дабы опохмелить своих страждущих собратьев, почитателей музыки Клио. Не удалось...

Точнее, водку в комнату он передал, но сорвался с водосточной трубы и угодил прямо в канализационный коллектор, с которого предприимчивые людишки уволокли люк. И темнота в глазах, вспышка – это все, что он увидел в последний миг т о й жизни.

– Мистика, – прошептал Петр, припомнив, как за полчаса до падения он встретил ведьму, или как ее там – прорицательницу, что ли. И та ему еще семьдесят лет жизни напрооричила, и как в том фильме – «Царем будешь!».

Императором-то он стал, угодив в тело Петра III Федоровича, по совместительству герцога Голштинского, но в смутное время.

На следующий день в Петербурге гвардия устроила переворот, возведя на престол его жену, Екатерину Алексеевну.

Кранты были бы полнейшие, но он, памятуя о судьбе незадачливого венценосного тезки, убитого в Ропше, дожидаться плачевной участи для себя не стал, оперся на помощь фельдмаршала Миниха, на флот и армию, и сам устроил гвардии «Варфоломеевскую ночь».

Как он тогда не хотел лить кровь, мутило до тошноты, но оказалось, что репрессии против мятежной знати большую пользу принесли. И ему лично, и России. Шутка ли – крепостное право де-факто на сто лет раньше отменили, хотя юридически лишь десять лет тому назад.

И страна разом получила мощнейший толчок к развитию – города и заводы, старые и новые, растут прямо на глазах. Университеты и школы везде открывают. А население, будто опара на дрожжах у заботливой хозяйки, за эти годы больше чем удвоилось. А сколько людей вокруг толковых, и все при делах, не за страх, а за совесть могущество российское приумножают.

Был в той истории князь Потемкин-Таврический, много на юге страны сделал. Но не совершил и половины того, что обязан был, – сибаритом жил, любителем женщин и неги, пыль в глаза пускать умел, недаром высказывание про «потемкинские деревни» нарицательным стало.

Здесь тоже Григорий Григорьевич светлейшим князем стал, но Амурским. И прославился своими «потемкинскими станицами», но уже отнюдь не бутафорскими.

Это надо же – всего за двадцать пять лет, четверть века, вдоль Амура и Уссури плотная цепь казачьих поселений протянулась, надежно дальневосточные границы охраняя.

Сахалин и Курилы присоединил к России, теперь в будущем японцы не повякают. И живет до сих пор, здоровье чисто сибирским стало, а ведь несколько лет назад в той истории он должен был дуба дать от излишеств – вот что постоянные труды делают!

А братья Орловы отнюдь не гвардейскими шалопаями стали, пьянками, драками да расхищением казны известные. Какое там – Григорий, бывший любовник жены Като, тоже светлейшим князем сделался, но Аляскинским.

Братья Алексей и Федор получили графское достоинство и приставку к фамилии. Первый стал Калифорнийским, а второй – Гавайским. Великое им спасибо от России – золото Клондайка тонким ручьем в казну потекло.

Вначале по чуть-чуть, каплями падало, потом струйкой, затем ручейком, ну а спустя четверть века после начала добычи по две с половиной тысячи пудов в Николаевск-на-Амуре доставлять стали русские корабли каждый год. В честь младшенького сына Николая князь Потемкин порт этот важный назвал, провидец прямо, угадал с историческим названием.

– Като, Като, – Петр помянул жену – обретенную любовь в жизни. Первую помощницу в делах тоже. Трех сыновей родила, две дочки красавицы. И обе уже королевы – Дании и Швеции, – он им выгодные партии устроил. Хоть и пожелтели пруссаки от такого шага – очень им хотелось свою Восточную Пруссию обратно получить в качестве приданого.

– А шиша с маслом не хотели?!

Петр хрипло рассмеялся, припомнив, как дурачил много лет назад старого короля, «добротного дядюшку Фрица».

Теперь Кенигсберг исконная русская вотчина, тамошние немцы лучшие подданные, трудолюбивые и дисциплинированные. Пруссакам местным к самой Пруссии уже никакого дела нет, их к Берлину калачом не заманишь. Еще бы – жить в процветающей империи намного лучше, чем в королевстве, что войну на два фронта ведет.

– Ну и как тебе, «Толстяк», польский дятел в заднице?!

Петр усмехнулся – племянник Фридриха Великого отличался завидной дородностью, если говорить дипломатически корректно, но не сейчас в приватном размышлении делать политические реверансы.

Старого польского короля Станислава, или по-простецки Стася, как любила именовать его гонористая и беспокойная шляхта, любовника жены в молодости (было дело, что ж греха таить), с престола убрали.

Сейчас в Варшаве правит «начальник государства» Тадеуш Костюшко и кусает пруссаков с австрийцами, как только может. Те с радостью «разделили» Польшу, пригласив к дележу и русских, вот только Петр от такого предложения благоразумно уклонился. Зато сейчас хорошо со стороны смотреть, как ляхи насмерть с немцами сцепились.

– Любо-дорого, – пробормотал Петр.

Теперь момент был удобный, и он объявил, что в условиях заматни и войны вынужден взять под покровительство и защитить от истребления «диссидентов» – так поляки именovali православных украинцев и белорусов, коих даже за людей второго сорта не считали. Но идти за Буг войскам категорически запретил – там чисто польские земли, а потому вопрос возникает резонный – а оно нам надо?

Австрия и Пруссия, мало что на западе с революционной Францией сцепились, теперь и на востоке с польскими инсургентами войну ведут, хотя варшавские «якобинцы» отнюдь не революционеры в чистом виде. Голодраная шляхта, свои привилегии отстаивающая, весьма многочисленна и криклива – ведь каждый пятый в Польше шляхтич, а третий себя паном считает. Как тут не забузишь?! В крови это!

– Ваше величество, разреши завтрак подать?

Петр с улыбкой посмотрел на арапа – совсем состарился Нарцисс, но категорически отказался пенсион получать. Привык, и хоть монарха почитает и любит, но отношения их связывают чуть ли не родственные. Еще бы им не быть – столько лет и зим вместе, огонь и воду прошли.

– Конечно, подавай! Проголодался уже, с утра маковой росинки не было! И кабинет-секретаря позови! Где Рейстер с Денисовым?

– Сейчас, государь, – арап поклонился и вышел. А Петр, подойдя к окну, загрустил.

Рейстер и Денисов были при нем и также командовали лейб-егерями и лейб-казаками. Вот только это не они, старые проверенные друзья, а их сыновья. Уже взрослые, матерые воины, а Лука Денисов так и постарше своего отца будет, когда Петр с лихим казаком в Петергофе семеновцев из дворца вышибал.

И ничего тут не поделаешь – годы свое берут. Ему самому уже шестьдесят восемь годов. Должно, если судить по возрасту настоящего Петра Федоровича. А так как студент Петр Рыков младше царя на добрый десяток лет, то случилось чудо, на которое фельдмаршал Миних первым внимание обратил – умен был старик.

Душа, или психо-матрица, этот научный термин сам себе Петр подыскал, резко омолодила организм. И на жену заодно перепало – детей ведь от него вынашивала, а Коленьку совсем поздно родила, за три года до пятидесяти.

Вот чудо было так чудо. А потому супружеская чета императоров едва на полтинник тянула, морщинки и седина только сейчас пошли. Да и здоровье, тьфу-тьфу, пока не подводило, хотя возраст, конечно, чувствовался. Кости к непогоде ломило, давление прыгало, да и болел организм то там, то тут. Но приступами, не постоянно.

– Ваше императорское величество...

– Присаживайтесь, ждать царя заставляете, – Петр с улыбкой посмотрел на вошедших – молодые, кровь бурлит. Впрочем, чего жаловаться – и он еще не слишком стар, в рухлядь не превратился.

– Государь...

– Да ладно вам, это я так на вас ворчу, по-отцовски. – Петр усмехнулся, ведь по здешним понятиям он младшему Рейстеру вторым отцом был, крестным, а это много значило.

Луке же своему старший Денисов наказ родительский дал, тут тоже отношения почти родственные были, чисто казачьи. Но строгие – Петр этой парочке спуску не давал, а за службу вдвойне с них требовал – все ж свои люди, можно и построжее спросить. И уверен был в сыновьях своих друзей – не предадут никогда, в отцов породой пошли!

Впрочем, так же, как и в их подчиненных – и старообрядцы, и донцы тоже преемственность устроили. Все же тридцать с лишним лет прошло. Отцы службу давно покинули, на их место, да с наказом строгим, сыновья пришли, и даже внуки.

А потому тянут лямку истово, чтоб позора на седую родительскую голову не пало. Честью заслуженной гордятся – с самим императором на «ты», «государем-батюшкой» величают.

И царь их в ответ привечает ласкою, про отцов всегда вспоминает и добрым словом их службу хвалит. Ему самому даже приятно былое вспомнить, зато как горят глаза казаков и егерей, когда их родителя государь хвалит и поклон от себя просит передать, а то и подарок.

Полковник в защитной егерской мешковатой форме и войсковой старшина в синей донской были на друг друга похожи. Оба бородаты до неприличия, кряжисты, неулыбчивы.

Третьим зашел молодой подполковник, лицо словно топором вырублено. Стар стал Дмитрий Васильевич, и почитай пятнадцать лет Петр кабинет-секретаря подобрать не мог. Требования больно жесткие ставил да произвольно с Волковым ассоциировал.

И надо же – два года назад совершенно случайно нашел в лице скромного офицера военного министерства. По фамилии Аракчеев. Да-да, тот самый, что вызывал лютую неприязнь декабристов и самого Пушкина.

– Важные депеши, государь, – негромко произнес секретарь и протянул свернутые трубками письма. – От ее величества. И из Варшавы от...

– «Горящие»? – только и спросил Петр. И, уловив движение бровей своего помощника, с усмешкой сказал: – Тогда позавтракать успеем, новости подождут. А ты, Лука, молитву читай, да к трапезе приступим, ибо мыслю, скоро у нас не будет времени не то чтобы поесть, но и лоб перекрестить. Пора настала, и время не ждет...

День первый 27 июня 1797 года

Черное море

Палуба 100-пушечного линейного корабля «Киев» ощутимо подрагивала, но гигант ходко скользил по лазурной глади тихого Черного моря. На грот-мачте лениво трепыхался большой желтый флаг с черным двуглавым орлом, хищно раскинувшим в стороны лапы.

Петр задрал голову с улыбкой на губах, с нескрываемой гордостью посмотрел на свой личный штандарт, что сигнализировал всей эскадре – император пребывает здесь, на флагмане.

Хотя какая тут эскадра?! Весь славный Черноморский флот, около сотни вымпелов, сейчас медленно стягивался к Босфорскому проливу, надеясь с ходу пройти узости и всей силою вломиться в Константинополь, как матерый кабан в камыши.

– «Кабан»? Хм...

Император задумался – мысль показалась ему удивительной. А ведь с этим «зверем» заклятые рыжеволосые друзья изрядно повозятся, это им не несчастных лис по чистому полю собаками травить. Тут противник у них будет намного серьезнее, с «клыками» и «непробиваемой шкурой»...

– Странные времена приходят на море, ваше величество. Дымят и дымят, и хода не снижают.

Высокий моряк, с покатыми, но широкими плечами, с просмоленным ветрами и солью лицом, показал рукою, с зажатой в ладони подозрительной трубою, далеко вперед в направлении на берег.

Петр оторвался от размышлений и посмотрел в указанную заслуженным адмиралом сторону. Там, в густом черном шлейфе, медленно продвигались пять кораблей небывалой дотоле конструкции. Три больших, высокобортных, ныне именуемых винтовыми корветами, и два малых, кургузых, с изрядной долей черного юмора окрещенных императором в «безбашенные» броненосцы.

Петр три года тому назад припомнил однажды прочитанный сюжет про броненосный корабль конфедератов «Мерримак», или «Вирджинию», как его порой называли, что навел жуткий ужас на «северян» в годы Гражданской войны в Америке.

А потому, как только была подготовлена техническая база, приказал спроектировать и незамедлительно построить парочку подобных кораблей, при одном взгляде на которые у выдавших виды русских адмиралов дружно отщелкивались челюсти.

Еще бы – и полсотни метров в длину не будет, но толстые, как сардельки или надутые через соломинку игривой деревенской ребятней болотные лягушки. Борты низкие, в хорошую волну волны запросто захлестнут, и потонут они как топоры, славно сгинув, только одни пузыри пойдут. Зато броня имеется, если, конечно, применимо к ней это слово. Обычные железные бруски, прокованные паровым молотом, но толстые, в пять дюймов, состыкованные рядами и хорошо закрепленные. Да еще за ними чуть ли не с аршин мореного дуба, что сам по себе являлся надежной опорой и защитой.

В центре корабля каземат, с которого растопыренными пальцами нового русского торчат две трубы из толстого листового железа. В узкие пушечные амбразуры, прикрытые «бронированными» портами, хищно глядит дюжина широких «рыл», по шесть с каждого борта, единственные на флоте 68-фунтовые пушки, именуемые бомбическими орудиями.

Эти первые в мире винтовые «броненосцы», названные им за «упитанность» и грозный вид «Вепрь» и «Секач», произвели на русских адмиралов ошеломляющее впечатление, намного большее, чем раньше пароходы с огромными колесами по бортам.

Поначалу моряки сочли их очередной причудой императора, который выбросил на ветер немалые деньги. Уродцы получились хоть куда, толстые до безобразия, да еще с «кабаньими» названиями.

Именно к последним прицепились острые на язык молодые морские офицеры, отчего отечественные «мерримэки» получили от них вторые имена, уже «свиные», насквозь неофициальные – «Хряк» и «Боров».

Ирония понятна, ведь появление первых пароходов было воспринято моряками достаточно скептически – чадящие копотью лоханки, уступающие в скорости боевым, чисто парусным кораблям. Единственное их достоинство в том, что штиль не страшен, да против ветра чапают по воде намного быстрее любого парусника – ведь тому лавировать приходится.

Прогресс на русском флоте прижился, пусть не сразу и с долгими мучениями. Однако ведь сам флот слишком молод, даже возмутительно молодой. Некоторые старики еще помнили его основателя, императора Петра Великого. Потому нововведения принимались в России намного легче и спокойнее, не было еще таких устойчивых и жестких морских традиций, как у сыновей Туманного Альбиона.

Адрианополь

– Пулей опрокидывай да на штык бери! Вперед, ребятушки, вперед – сминай супостата!

Молодой генерал, два года назад перешагнувший тридцатилетний рубеж, но уже закаленный в войнах ветеран, кричал знакомые всем русским солдатам слова из суворовской «Науки побеждать».

Да и сам князь Петр Иванович, из рода грузинских царей Багратиони, был самым ярким представителем школы знаменитого русского фельдмаршала, исповедующей четырехсловный принцип – «Глазомер, быстрота, натиск – победа!».

– Вперед, братцы! Умрем за веру православную!

Призывы любимого солдатами генерала были сразу поддержаны служивыми – густые цепи знаменитого на всю армию гвардейского Апшеронского полка в клубах порохового дыма покатались вперед, к возвышенной цепи небольших холмов, что закрывала путь к заветному Адрианополю, городу, основанному византийским императором и переименованному турками в Эдирне.

Полуденное солнце прожарило воздух, серая земля, казалось, раскалилась, как сковорода для грешников. Но привыкать ли к тому русскому солдату?! Враги, чай, тоже из плоти и крови сотканы, не монстры какие-то, а простые люди – им также тяжело.

Османы огрызались отчаянно, холмы местами заволакивало густым пороховым дымом – время от времени над русскими пролетали ядра, с шипением раздвигая воздух.

– Скверно турки стреляют, ваше высочество! Вы не находите?!

Молодой полковник в мундире Генерального штаба только молча кивнул на восклицание генерала Багратиона – его глаза были прикованы к полю разворачивающейся баталии.

Это было первое сражение для великого князя Константина Петровича, в котором он лично участвовал. До этого дня фельдмаршал Суворов строго-настрого приказал ему в бой не лезть и вот сегодня послал с приказом к командиру авангардом, дабы князь еще глубже попытался обхватить турецкие позиции и разгромить воинство Фархада-паши, плотно перекрыв туркам дорогу к Проливам.

Хотя было бы точнее назвать семитысячный отряд князя Багратиона арьергардом – главные силы русской армии уже взяли Мидию и рвались на юго-восток, к Константинополю, заветному Царьграду.

2-я гвардейская дивизия пошла в наступление в противоположную сторону, на юго-запад, к Адрианополю, туда, где ошеломленные стремительным русским натиском османы напрягали последние силы, чтобы нанести сильный удар по тылам наступающей без оглядки русской армии.

Константин Петрович прекрасно знал по своей штабной работе, что сейчас османы лихорадочно собирают здесь все что можно, пытаются спешно увести уцелевшие части из Болгарии, где победно наступали войска Дунайской армии генерал-аншефа Кутузова. Там русские тоже добились впечатляющих успехов, да и местное болгарское, греческое и валахское население поголовно восстало против турецкого владычества, яростно поддерживая своих освободителей, православных единоверцев.

Горячее молодое сердце билось так сильно, словно норовило выпрыгнуть из его груди. Первый бой, как первая в жизни любовь, – всегда желанен, но не всегда милостиво обходится. А ведь Константин Петрович всего на пять лет младше Багратиона – но генерал окутан славой, как римский триумфатор тогой, а тут...

Петербург

– Эти французы – исчадия ада! Как их только земля носит?! Они дерзнули не только лишить жизни своего монарха, но и поднять руку... Бедная и несчастная моя сестра...

Императрица непритворно всхлипнула, дряблые щеки задрожали, в поблекших глазах выступили слезы. Екатерина Алексеевна приложила кружевной платочек к носу.

– Ваше императорское величество...

Английский посол склонился в поклоне, а сам тихо пожелал только одного – чтобы русская царица не впала в очередную истерику. Она с ней часто в последние годы приключалась, особенно когда речь заходила о французах, что устроили у себя революцию и подняли руку, вернее топор гильотины, не только на помазанника божьего, но и на его жену. Сейчас вся Галлия залита кровью, революция алчно пожирала своих детей.

– Поверьте нам, ваше императорское величество. Мой король и лорды, весь парламент и народ, мы все с негодованием относимся к происходящему во Франции...

– Это все проклятые революционеры. – Императрица отняла платочек от лица – красные глаза смотрели с такой яростью, которую трудно было представить у женщины столь почтенного возраста.

– Они получают то, что заслуживают. Скоро все наши армии обрушатся на них... И раздавят, как мерзких клопов!

Посол внутренне напрягся – как бы не впала в истерику царица, ибо немецкая принцесса в ней давно исчезла, а взамен вылезла, как это говорят сами москвиты, баба!

Императрица судорожно дернула головой, словно подзабыв хорошее германское воспитание и привитые с детства манеры. Посол терпеливо ожидал, когда она заговорит с ним снова, искренне радуясь, что в кабинете не стоит старушечий запах увядающей женщины, который ни одними духами и благовониями не заглушить.

– Ваша страна тоже перенесла революцию в свое время, но быстро опомнилась от этого кровавого безумия. Но вы, англичане, не французы – у тех ветер в голове гуляет всегда. Это они поддерживали ваши мятежные колонии в Америке, что тоже исповедуют гнусный республиканизм. Знайте же, что все беды идут только от них, этих мерзавцев! Они – бельмо на глазу у всех монархов. Да сохрани нас Господь от этой нечисти!

Императрица неожиданно повернулась к нему спиной и, обойдя письменный стол, подошла к иконостасу, что сверкал золотом и серебром богатых окладов. Женщина принялась негромко молиться на русском языке, широко крестясь по православному обряду.

Посол еле заметно поморщился при намеке на казнь английского короля Карла во времена Кромвеля полтора века тому назад, но вида не подал. Наоборот, сам перекрестился, глядя в изогнутую спину молящейся русской императрицы.

Он успел заметить, что этим делом женщина занималась довольно часто – толстая подушка, на которую Екатерина Алексеевна встала на колени, была уже порядком потерта.

С невозмутимостью истинного британского джентльмена посол сохранял приличествующее выражение лица.

Русская императорская чета славилась на весь мир своим ханжеством и скаредностью, и уже давненько никто этому не удивлялся. Хотя никому в голову из монархов не пришло бы превращать свой кабинет в молельню. Никому, кроме этих свихнувшихся германских супругов, что любого русского переплюнут в своей набожности.

Ханжи!

Но ни один мускул не дрогнул на лице посла – ко всякому привык за годы служения британской короне. И англичанин, как бы демонстрируя участие и хорошие манеры, с самым скорбным видом снова перекрестился, но слева направо, как учит истинная христианская

вера и англиканская церковь, а не ее схизматические отклонения, вроде этого православия, как раз подходящего для московитских варваров.

Хотя если бы потребовалось для блага британской короны, то он тоже бы отбивал земные поклоны и даже – о ужас для настоящего джентльмена, привыкшего к бренди с пивом и ростбифу с кровью, – соблюдал даже их затяжные посты с этим жестоким вегетарианством.

Какие глупости!

Остров Шумагина

Солнце не могло пробить своими лучами густую туманную дымку, обычную для этих затерянных богом мест, – несмотря на полдень, на берегу царил полусумрак.

Но место было обжитым и доходным, о чем свидетельствовал сложенный из толстых бревен «государев амбар», служивший для сбора «мягкой рухляди» – шкур морских бобров и прочих животных. Этот бесценный мех служил главным средством для жизни многих поколений алеутов, а сейчас местных русских, для которых именно они да юконское золото обеспечивали жизнь немногочисленных поселений на Аляске.

На большом острове острога не имелось, да и не нужен он был здесь, в двух днях плавания от Кадьяка, на котором находился один-единственный городок – Петровская Гавань. Там проживала без малого тысяча душ русских и казаков. Имелся порт, в котором легко затерялись пара небольших военных шлюпов и два десятка кургузых, но вместительных кочей, что обеспечивали перевозками вытянутую на две тысячи верст Алеутскую грядку, заходили в устье Юкона и смело добирались до Камчатки.

На самих Алеутских островах жили только туземцы; все русское представительство на них обеспечивалось дюжиной «ясачных зимовий», одно из которых и было на острове Шумагина, самом близком к резиденции губернатора на Кадьяке.

Следующие поселения имелись на Уналашке, одном из самых больших островов гряды, ну а последнее – на Командорских островах, что открыл еще при царице Анне Иоанновне командор Витус Беринг.

Впрочем, туземцы там не проживали, и тамошние «зимовейцы» занимались немислимым ранее, но теперь вошедшим в обиход делом – защищали от «промышленников», что в алчности своей не знали пределов, морских коров, коих чуть целиком не истребили до последней, но вовремя спохватились и наложили строжайшие запреты.

Причем озаботились этим делом, к великому изумлению местных землепроходцев, в самом Петербурге, откуда пришло грозное повеление монарха морских животных не истреблять, и даже вводились «заповедные года», в которые убой зверя был запрещен под страхом лишения живота.

Потому и выставили везде «ясачные зимовья» – и дань с туземцев собирать, и порядок блюсти – полдюжины казаков на каждом из них быстро навели должный страх на алчных добытчиков.

И шутка ли – сам губернатор Аляски, статский советник Григорий Иванович Шелихов, везде поставил своих надсмотрщиков, и теперь забой тюленей и бобров производился только по его прямому разрешению, которое он практически не давал, за исключением местных аборигенов, что имели на этом пропитание.

И так приструнили нарушителей царского запрета, крепко и безжалостно, как закоренелых татей и лихоимцев, что теперь о браконьерстве на островах давненько не слышали.

Да и туземцы, особенно на Уналашке, где по первости даже стычки с казаками и матросами имелись, присмирели и под руку государеву всем народцем с охотою, без невольного принуждения, пошли.

Браки совместные взаимную неприязнь быстро заглушили – русские и казаки, мужчины молодые, холостые и крепкие, девок местных охотно в жены брали. А там и детки пошли, а уже и внуки – о былых распрях забыли, с родичами воевать как-то не с руки...

Черное море

Военные пароходы в России активно мастерили уже пять лет, но до того два десятилетия кропотливо отработывали различные конструкции паровых машин и самих кораблей. Быстро настроили несколько сотен речных судов: от небольших буксиров до пассажирских «лоханок» довольно приличного размера.

И, лишь набив руку да сумев склепать паровик на три сотни «лошадиных сил», приступили к военному флоту – вначале пошли со стапелей малые пароходы, позже заложили большие по водоизмещению.

Однако «вместилища копоти и пара» не могли вытеснить из боевой линии парусные линкоры, многие из которых несли на трех палубах до сотни пушек. Гребные колеса занимали всю середину корабля, оставляя для пушек лишь нос и корму. С превеликим трудом строители втискивали на пароходы пушки – по полдюжины на корветы, по дюжине на фрегаты. Пусть крупного калибра, но недопустимо мало.

А потому на русском флоте их «пароходо-фрегатами» не именовали, как в реальной истории при императоре Николае Павловиче. И были правы – любую баржу можно линкором объявить, но оттого она им не станет. Так что колесные пароходы хотя и заняли свое место на флоте твердо, но только как вспомогательные корабли, или даже суда – как их моряки с некоторой презрительностью именовали.

Петр стремился сломать сложившееся предубеждение и очень надеялся преуспеть в этом деле. Ставка сейчас была сделана на новейшие паровые суда – три корвета и пару «кабанов», что шли сейчас отдельным отрядом под командованием молодого Грейга, сына знаменитого адмирала.

И опять, о гримаса изменившейся судьбы, история в который раз на его глазах поменяла свой извилистый путь.

Старший Грейг, как Петр знал, должен был умереть еще десять лет назад, едва достигнув пятидесяти двух лет, добившись очередной яркой победы, но уже над шведским флотом.

Вот только войны с северным соседом сейчас не произошло, наоборот, отношения между государствами потеплели настолько, что император с легким сердцем отдал свою младшую дочь замуж за шведского кронпринца, герцога Карла Зюдерманландского. Правда, предпринял некие шаги, оставшиеся в глубокой тайне, чтоб зять пораньше на себя водрузил королевскую корону – слишком непредсказуем был его старший брат на троне. Да и от зятя сейчас одна головная боль...

А старый адмирал вместо туманной Балтики уже как двадцать с лишним лет заворачивает всеми делами в Архипелаге – там у России и острова есть, и Морея под ее покровительством находится.

– Ты что-то сказал мне, Федор Федорович? – Голос Ушакова пробился через заслон размышлений, и Петр вернулся в действительность. Нехорошо получилось – заслуженный флотоводец ему что-то важное говорит, а он его почти не слушает.

– Я думаю, не совершили мы ошибку, государь, приняв решение, что все наши линейные корабли должны быть оборудованы паровыми машинами и винтами? – с задумчивым видом спросил адмирал Ушаков и тут же торопливо добавил: – Нет, польза в паровых двигателях несомненна, особенно в штиль. Я о другом – ведь на флоте наступят новые времена.

– Что делать, Федор Федорович, – Петр усмехнулся, – и на море пришел век пара. Хватит по рекам копить и ступицами хлопать по воде. Пора, давно пора. И как видите, не зря. Мы вынуждены лавировать, ловить ветер, а они как шли, так и идут, и нас намного опережают.